Алая Книга Западных Пределов

Александр Лайк

SHOUT
SHARE
IT

- Александр ЛАЙК

Александр ЛАЙК
АЛАЯ КНИГА ЗАПАДНЫХ ПРЕДЕЛОВ

(Пергаментный вкладыш N 206/а)

(Этот листок был вложен в Алую Книгу между 1744 и 1745 страницами. Писан шрифтом Ангертас Мория, с некоторыми дополнениями Эребор Даэрон, ровным почерком, с характерными приподнятыми росчерками в буквах «Д» и «Л», что позволяет считать авторство Хранителя Гимли несомненным. Труднее сказать, кто мог доставить записи, начиная с этой, в Забрендию. Этот вопрос, несомненно, требует дальнейших исследований.)

Я прочитал запись в летописи Гондора, и оскорбился. Оскорбился за себя, но того более — за Леголаса. Там было написано: *«Но Государь Арагорн и северные Следопыты совершили это — и с ними были Гимли, сын Глоина, и Леголас из рода эльфов.»* Все. Мы были. Мы присутствовали там. И ни слова, ни строчки больше.

Согласен, я опозорился в подземельях на Тропе Мертвецов. Но разве не Леголас ободрял утомленных Следопытов? Разве не он сменил Арагорна во главе отряда, когда догорели факелы, зоркие глаза Бродяжника устали в непроглядном мраке, а я — я, привыкший к подгорной тьме — не мог поднять голову и не решался ни глянуть вперед, ни оглянуться? Разве не Леголас говорил — и голос его эхом разносился по пещерным коридорам — «Не бойтесь их, они несчастны и бессильны.»

Вспомнил я и день битвы перед воротами Мораннона. Вспомнил голос Гэндальфа: «Позовите Гимли, Леголаса и Пина. Пусть они пойдут с нами, чтобы все свободные народы, противники Мордора, были свидетелями переговоров.» Вот так. Вначале — пышные перечисления: «Арагорн, наследник Исилдура, законный государь Гондора и Арнора», «Властитель Дол-Амрота», «Пресветлый конунг Ристании», а потом просто — Гимли и Леголас.

Но тут же вспомнил я, как раз за разом говорилось так же просто Элладан и Элроир, и даже просто Гэндальф. Элронда называли Властитель Элронд, но за глаза нередко — Элронд Полуэльф. Слышал я и просто «Селеборн». И хвала валарам, никто не произнес в моем присутствии иначе, как Владычица Галадриэль. Не то, клянусь… Может быть, именно потому и только в моем присутствии они, глупые люди, и были столь

почтительны?

А из тех, кто мог бы быть и повежливее, многие, слишком многие люди видели в Леголасе всего лишь одного из Мориквенди. Он никогда не видел Эрессеа, он не пересекал Вздыбленный Лед, он не слышал Проклятия Феанора и Проклятия Мандоса… Он не сражался у врат Тонгородрима, не защищал Предел Мандора, не ткал Завесу Мелиан… Он не… не… не… Он всего лишь Сумеречный Эльф.

Только тогда я понял, каким благородством обладал Леголас, и как ему было трудно. Он, сын короля лесных эльфов, самого Высокого Трандуила, должен был все время чувствовать себя незаконно и незаслуженно обделенным. Лишенным почета и внимания, принадлежащих ему по праву. Беззаботные родичи, жители Лориэна были готовы воздать ему должное, но и тут я, со своей глупой обидой за давно ушедших в камень, отнял у него радость встречи и заставил испытать горечь унижения. И… О дивный народ! Когда он увидел, что я все понял и раскаялся, он стал по-настоящему добр со мной. И после никогда, ни разу не пытался напомнить мне о тяжких думах, которые я передумал в те дни.

Почему же эти люди, высокомерные, надменные, какими бывают только люди… нет, наверное, я не прав. Такую же странную гордость я встречал и у эльфов, и у гномов, и даже у хоббитов. Только у Горлума, насколько я помню слова Фродо, она была заменена на противоположное чувство. Свою гордость он искал и черпал в уничижении. И удивительное дело — ведь из всех сражавшихся в Последних Битвах только Горлум мог бы сказать: я низверг Саурона. Я погиб, но гибелью своей я спас Средиземье. По-моему, до конца этого не понимал даже Фродо, и только Гэндальф знал все. Знал, но молчал.

Все, наверное, очень несложно: в те дни люди, чтобы чувствовать себя сильнее и увереннее, создавали себе историю. Уходил в прошлое Последний Союз, никому не было дела до гномов и хоббитов, онтов и эльфов, магов и предателей-мертвецов, дикарей Ган-бури-Гана и умертвий, Беорнингов, Барлогов и Тома Бомбадила. Для людской истории это была война Людей против Зла. Много раз с тех я уже слышал: «На Пелленорской равнине и в гавани Харлонда, в устье Андуина, на переправах Осгилиата и на пристанях Пеларгира люди бились против людей». Вот так, и не более того.

Те же, кто ковал победу рядом с ними и для них — либо погибли, либо ушли навек, либо отгородились от мира людей, чтобы спокойно позабыть о них. Среди погибших и людей немало — уж как водится, лучших среди людей. Отвлекший Короля-

Призрака от Минас-Тирита Теоден, прикрывший отплытие Фродо и Сэма Боромир, принявший на себя основной удар палантира Барад-Дура Денетор… Погибли Даин Железностоп и Саруман Белый, король Бранд и несчастный Горлум. Скрылись от глаз людских онты, закрыв за собой Фангорн. Затихли в своей глуши хоббиты, защищенные указом мудрого Арагорна. Недоступную чужакам жизнь ведут лесовики Друадана, такими же указами Эомера и Арагорна убереженные от нашествия людского племени. Сгинули умертвия и отпущены на свободу отступники Эрека, замкнулся в своих владениях беспечный Бомбадил, а остальные ушли. Селеборн и Владычица Галадриэль, Элронд и его сыновья, Фродо и Сэм, Гэндальф и Всеславур… Затихли песни Раздола и облетели деревья Лориэна.

Люди могут гордиться тем, что изгнали из «своего» мира всех лишних.

Но и Гимли, сыну Глоина, нечего делать в этом мире. Первым покинул нас Фарамир, затем, склонив голову, последний раз глядел я на Эомера, ненамного пережила его сестра, доблестная Эовин… Имраиль, Мерри, Лотириэль, Пин, Арагорн… Телконтар Элессар. Эстель. Дунадан.

Что же теперь? Я знаю, я вижу из окна; там, на Итильском берегу, Леголас зачем-то обтесывает бурелом. Я знаю, зачем. И небывалая тоска убивает меня.

Гимли, сын Глоина, в Осгилиат-Рамморе

Май 120-го года Четвертой Эпохи